

Е. И. Дудинская

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ЯПОНИИ И СВЯЗАННЫХ С НИМИ ОШИБКАХ СТУДЕНТОВ

В статье рассматриваются некоторые характеристики японского языка, которые тем или иным образом затрудняют его восприятие и освоение носителями других языков и культур, а также типичные ошибки в речи обучающихся, возникающие на их основе. Подчеркиваются важность понимания коммуникативной ситуации в самом широком смысле и необходимость постоянной включенности в контекст, от которых зависят выбор нужных языковых и паралингвистических средств и, как следствие, достижение успеха в социальном взаимодействии. Отмечается также, что учет эмоционального фона, настроения собеседника и общей атмосферы – существенные элементы общения, которые порой сказываются на значении некоторых грамматических конструкций и построении высказываний.

Японский язык, наряду с иными, которые, несмотря на их типологические отличия и принадлежность к разным языковым семьям, принято объединять под названием «восточные», традиционно считается довольно сложным для понимания и освоения человеком, воспитанным в рамках цивилизации западного типа. В свою очередь, схожего мнения долго придерживались и японцы, что в прошлом нашло отражение в появлении (середина XIX в.) и широком распространении в Японии практически до 80-х гг. XX в. концепции nihonjinron (日本人論). В ее рамках утверждалась уникальность японского мышления – вплоть до существования принципиальных различий на уровне строения головного мозга. Считалось, что благодаря такой разнице «японский мозг» способен гораздо лучше освоить любую иную культуру и язык, чем «западный» [1, с. 157–158]. Данная идея получила развитие во многом за счет исторических и политических факторов, когда, после открытия границ Японии американской экспедицией под командованием адмирала Перри, возросла необходимость в национальной идее, которая могла бы сплотить наэлектризованное изменениями общество. Позднее она была признана совершенно несостоятельной с научной точки зрения. Тем не менее, даже сегодня, в условиях не сбавляющей темпа глобализации и налаженных контактов с другими странами мира в самых различных областях, хорошо говорящий по-японски человек способен вызвать у японцев искреннее и неподдельное удивление.

Исследователи, однако, отмечают что существовавшие в Японии способы обучения родному языку, которые в основном концентрировали внимание на письменности и письменном стиле речи – что исстари считалось

показателем образованности человека – оказались совсем не подходящими для обучения японскому языку иностранцев [2, с. 39]. Поиски новых методик активизировались только к середине XX в., когда стали появляться работы по сопоставлению грамматики, фонетики и иных аспектов японского с другими языками. Сегодня же количество исследовательских работ на японском или английском, призванных описать существующие языковые явления, повысить точность, скорость и эффективность преподавания, а также наладить продуктивный диалог между странами и навести культурные «мостики», не поддается подсчету. В то же время необходимо заметить, что в силу тех же факторов историко-культурного характера под «иностранцами» подразумеваются, в первую очередь, американцы, китайцы и корейцы, на них же и ориентированы многие учебные материалы. Хотя история изучения японского языка на территории Российской империи и впоследствии СССР насчитывает более 300 лет, связи с Японией продолжительное время были довольно ограничены, что, по мнению Y. Yabusaki [3, с. 154], является фактором, необходимым для понимания причин существования некоторых особенностей и традиций преподавания японского языка на постсоветском пространстве. Однако, начиная с 90-х гг. XX в. и по настоящий момент, в парадигме преподавания заметны значительные качественные изменения, усиливается роль лингвокультурологического подхода. Также возрастает количество научных работ и исследований, касающихся, помимо обучения японскому языку носителей русского языка, также и теоретической лингвистики, культурологии, антропологии, в том числе и междисциплинарного характера.

Несмотря на актуальные подвижки в понимании и организации образовательного процесса, новые возможности для общения, которые предоставляет информационное общество с постоянно развивающимися технологиями, японский язык все же остается трудным для изучения. Поэтому в данной работе хотелось бы рассмотреть некоторые особенности японского языка, во многом хорошо известные среди японистов, которые продолжают приводить к возникновению в устной и письменной речи обучающихся характерных ошибок. Многие из таких погрешностей автору доводилось наблюдать непосредственно во время занятий; на них же зачастую указывают и разрабатывающие вопросы графики, грамматики, фонетики, морфологии и других разделов лингвистики японские, русскоязычные и англоязычные авторы, проводя анализ устных высказываний или сочинений студентов.

Японский язык относится к слоговым и характеризуется наличием долгих гласных, удвоенных согласных и музыкального ударения, которые выполняют смысловозначительную функцию. Хотя автору в большей мере

интересны особенности морфологического, грамматического и синтаксического ярусов, влияющие на процесс коммуникации, нельзя не отметить, что просодические элементы так же, как и фонетические характеристики отдельных слов, в японском языке могут существенно влиять на оценку высказывания собеседником. Так, повышение интонации на заключительной вопросительной частице *ка* (か) (обязательное в случае устного оформления вопросительного предложения) или же ее удлинение в таком контактоподдерживающем выражении, как 「*そうですね。*」 ‘*вот как, понятно*’), может стать причиной коммуникативной неудачи, так как в первом случае, вместо значения подтверждения, согласия с собеседником, будет передано ощущение сомнения и недоверия, а во втором – разочарования. Слишком амплитудное повышение тона с параллельным увеличением силы голоса может нечаянно для говорящего привести к выражению возмущения (*ええ* ‘*что?!*’ вместо *え* *え* ‘*да*’ с ровной, слегка понижающейся интонацией; легкое повышение же выражает вопрос или просьбу уточнить). На уровне слова также возможны ошибки, вызывающие непонимание. Среди них, как свойственные русскоязычным студентам, Н. Watanabe [4, с. 74–76] выделяет нарушение фонологических характеристик звуков (для японского нетипичны огубленный «у» и вибрант «р»), несоблюдение долготы гласных и согласных, неверное ударение. К примеру, студенты часто в слове *歌* *uta* ‘*песня*’ с силой привычно выделяют «у» вместо более мягкой тонизации по типу «низкий-высокий». Также слово может быть не воспринято собеседником (в особенности, если у того нет опыта общения с иностранцами) либо понято совсем иначе. Так, при желании сказать *髪* *kami* ‘*волосы*’ («низкий-высокий») – получается *神* *kami* ‘*божество*’ («высокий-низкий»); или же; *旅行* *ryoko*: ‘*путешествие*’ превращается в *両虎* *ryo:ko* ‘*два тигра, соперники*’, а *来た* *kita* ‘*пришел*’ – в *切った* *kitta* ‘*порезал*’. Как итог, постепенно формируется акцент. А. А. Павлов в своем исследовании тоже указывает на влияние фонетических норм русского языка: к примеру, при произнесении сочетания *desga* *ですが* ‘*но*’, где у русскоговорящих оказывается сильна тенденция к озвончению, хотя правила японского языка предписывают четкую артикуляцию каждого слога так, как он написан (исключая случаи редукции) [5, с. 253]. Автор согласен с Y. Yabusaki в том, что не самым оптимальным вариантом, особенно если у студентов нет навыка работы с аудиозаписями или же возможности обратиться к носителю, является использование на этапе обучения азбукам, и, соответственно, звукам и основам произношения, тех русскоязычных учеб-

ников, в которых используется транскрипция исключительно кириллицей [3, с. 156–158]. Это повышает вероятность автоматического применения правил русского языка (нечеткое произнесение безударных гласных, озвончение, фонологические характеристики звуков – «р», «в», «у» и др.) к словам японского. Важно отметить, что фонетические и просодические ошибки не существуют изолированно от других уровней языка и типичных для них ошибок, более того, зачастую комбинируются с ними, усложняя общение и взаимопонимание [6, с. 8].

Морфологически японский язык относят к агглютинативным языкам, что проявляется в особенностях функционирования изменяемых знаменательных частей речи – в русской учебной японистике в эту группу принято включать глаголы и прилагательные обоих типов, – а также служебных, включающих падежные показатели и союзы.

Причиной неправильного образования форм прилагательных N. Kobernuk прежде всего считает интерференцию со стороны языков, являющихся родными для обучающихся (русского и украинского) [7, с. 178]. В целом же, ошибки, по мнению автора, часто происходят либо из-за недостаточной степени натренированности словоизменительной парадигмы, либо по причине неправильного определения принадлежности слова к части речи. Как один из постоянно встречающихся случаев можно привести пример китайского прилагательного *きれい* ‘красивый, чистый’, которое студенты зачастую принимают за прилагательное японского типа; или же неправильные глаголы *帰る* ‘возвращаться’, *切る* ‘резать’, которые при внешних признаках второго спряжения относятся к первому.

Забегая вперед, следует отметить, что глагол, нередко в японском языке занимающий центральное место в высказывании как в позиции сказуемого, так и в рамках глагольных определений, отличается сложной системой видов, залогов и категорий, не у всех из которых есть эквиваленты или аналоги в русском языке (например, глаголы направленности действия и конструкции на их основе). Поэтому ошибки, связанные с образованием глагольных форм, встречаются регулярно, особенно на начальном и среднем уровнях обучения [6, с. 33–40].

Частицы необходимы, чтобы собрать предложение воедино; их функцию в предложении сложно преуменьшить. Так, даже если порядок слов в предложении оказывается не совсем естественен, при внимательном прочтении все же велика вероятность, что оно будет воспринято реципиентом согласно коммуникативному намерению автора, но только если падежные

показатели расставлены верно. То есть сообщение 「友達に昨日話しました。」 ‘другу вчера рассказал’ приблизительно равно 「昨日友達に話しました。」 ‘вчера рассказал другу’. Информация фактического рода будет одинаково передана в обоих из них, хотя по шкале важности в первом случае будет выше обстоятельство 昨日 ‘вчера’, а во втором – дополнение 友達に ‘другу’.

Наиболее проблематичными частицами можно считать показатели именительных падежей: *wa* (は) – тематического – и *ga* (が) – рематического. Согласно некоторым подсчетам около 40 % всех неверных использований частиц приходится именно на них. Исследователи в качестве потенциальных причин указывают на то, что концепция «новой» и «старой» информации выглядит с точки зрения обучающегося весьма абстрактной и трудноуловимой, ее не всегда легко увязать с конкретным контекстом [8, с. 12–15]. Для овладения японским языком, однако, внутреннее, глубинное понимание и ощущение информации обязательно. Новизна информации не является качеством конкретного слова в высказывании, а определяется во взаимосвязи с контекстом в целом и его отдельными частями, а также порой зависит от того, чью позицию – автора или его собеседника – в данный момент необходимо обозначить в тексте. Помимо этого расстановка данных частиц регулируется и правилами более понятного и легкого для запоминания характера: деятель придаточного предложения оформляется через *ga*, в ситуации противопоставления используется двойное *wa* и т.д. На сложность темы и долгое время, необходимое для формирования навыка употребления данных частиц, указывает постоянное наличие ошибок даже на продвинутом уровне (上級), что фиксируется не в одной исследовательской работе. Например, непривычны для студентов предложения с адъективным сказуемым, для формирования которых требуется структура 「N1はN2がAです。」 (「あの人は字が汚いです。」 ‘У нее отвратительный почерк’). Понимание принципа построения такого предложения – описывается часть целого, но речь идет не о части, а о целом, так как часть является неотъемлемой составляющей этого целого – в дальнейшем прослеживается и в других разделах. Так, схожая идея есть в построении одной из разновидностей предложений со страдательным залогом (「私はバスで足を踏まれました。」 ‘Мне наступили на ногу в автобусе’). Поэтому можно предположить, что не до конца осмысленный, хоть и местами изрядно абстрактный, принцип употребления частиц *wa* и *ga* может проявиться как устойчивая тенденция к неверному выбору частиц в предложениях с разными типами грамматических конструкций.

Следующей по частоте совершаемых ошибок можно считать пару частиц *de* (で) (творительный падеж) и *ni* (に) (дательный падеж) – в значении места активного или пассивного действия (...*yama Saot*i). Много усилий требует и винительный падеж (*w*)*o* (を), употребление которого связано с категорией переходности глагола, а на более глубинном уровне – инстинктивным ощущением актантно-предикатной структуры предложения [8, с. 9–12]. К особенностям функционирования частиц в японском языке, которые замедляют процесс их освоения, можно причислить присущую им грамматическую полисемию. Редкий падежный показатель выражает только одно значение: например, у *de* их можно насчитать около 8. Также может запутать изучающего язык периодическое опущение частиц (за счет стилистических факторов или же по требованиям грамматики – например, при построении предложений с числительными, в которых число подчеркивается: 「犬が三匹いる。」 ‘Есть три собаки’). Определенное влияние оказывает интерференция со стороны родного языка: для русскоязычных *de* похож на предлог *в*, а *ni* ассоциируется с *на*. В японском предложении могут при этом отсутствовать оба из них, а значение будет передано иначе (× 「部屋で掃除をしました。」 → ○ 「部屋を掃除しました。」 или 「部屋の掃除をしました。」 ‘(Я) навел порядок в комнате.’; 「将来は...」 ‘В будущем...’).

Существует определенная специфика в классификации частей речи японского языка. Подобный пункт, несомненно, не относится напрямую к особенностям языка, но проявляет тенденцию так или иначе сказываться на его понимании, преподавании и исследовании. Исследователь В. Г. Волощенко касается этого вопроса в своей статье по сопоставительной типологии частей речи, отмечая, что, прежде чем рассматривать грамматические категории, нужно для начала определить, что понимается под отдельной частью речи (или классом) и какое название ей нужно дать [9, с. 236]. С. Н. Ильин, разрабатывая явления омонимии и полисемии среди служебных частей речи, описывает отдельную процедуру для отнесения слова к знаменательной или служебной части речи, так как в японском языке это не всегда очевидно [10, с. 143–144].

Если взять за основу классификацию частей речи в том виде, в котором она преподается в японской школе, то она может показаться чрезмерно сложной, неудобной и неоднозначной для освоения языка иностранцами. Вероятно и по этой причине в учебной русской японистике сложилась определенная система со своей терминологией, которая порой накладывает отпечаток на понимание грамматических и лексических явлений. Похожие схемы, но не всегда полностью совпадающие с русскими, обнаруживаются

и в англоязычных учебниках. Опираются они во многом на специальную грамматику, разработанную японцами для преподавания своего языка иностранцам.

При использовании терминов, уже существующих в языке обучающегося, для описания какого-либо явления на японском языке, возникает соблазн «наложить» на него уже имеющиеся знания из родного языка, несмотря на вовсе не обязательное совпадение этих категорий. С точки зрения практических импликаций использование термина *винительный падеж*, к примеру, приводит к формированию несколько однобокого понимания такой частицы *joshi* (助詞), как (w)o, у которой три значения, а с русским винительным падежом сопоставимо только одно из них. Студентам требуется время, чтобы запомнить, что ‘гулять по парку’ – это *公園を散歩する*, так как речь идет не о месте активного действия, передаваемого через *で*, а о перемещении по пространству без остановок. При переводе часто проявляется, например, неполное осознание студентами того факта, что у японского существительного нет рода, числа и, в целом, падежа, что приводит к тому, что предложения типа *「それはその写真です。」* ‘вот фотографии (того объекта / тех объектов)’ переводятся с использованием единственного числа, хотя при отсутствии контекста перевод не может быть столь однозначным. Типологическую классификацию ошибок русскоговорящих студентов вследствие разных типов интерференции подробно разрабатывает И. С. Сон, в том числе касаясь проблем морфологии и указывая на многие особенности «интуитивно понятных» русскоязычным студентам японских частей речи [11, с. 14–16].

Применяемая при обучении японцев родному языку схема частей речи не является жестко определенной, у нее есть некоторые вариации. Основывается она, однако, не на морфологических признаках, а на функции слова в высказывании, что порой оказывается удобней для понимания принципов построения предложения. При преподавании, например, гораздо удобнее обращаться к отдельной категории «связующих слов» *setsuzokushi* (接続詞), – как, собственно, и поступают авторы японских учебников, вводя отдельные разделы под названиями *接続詞* или же в более широком смысле – *接続表現*, *接続の言葉* (‘связующие выражения’). Под этими терминами подразумеваются слова и выражения, используемые для выстраивания связей между частями сложного предложения, а также между предложениями в тексте. Введение их в качестве отдельных слов в лексическом комментарии к уроку, наряду с другими лексемами, снижает степень их важности для обучающегося, что часто отражается в игнорировании этих слов при создании студентами письменного текста. В несколько меньшей мере эта тенденция

заметна и в устной диалогической речи. Все же при проверке сочинений данный факт проявляется наиболее ярко, а на недостаточную аутентичность текста или же его странность как следствие отсутствия или неверного использования этих слов указывают также и многие японские исследователи при анализе ошибок иностранцев. Такая же часть речи, как *rentaishi* (連体詞), употребляемая исключительно в позиции перед словом, которое может выступать в позиции темы (*taigen* (体言) – существительные и местоимения), и включающая разные по происхождению слова, вообще отсутствует в привычной русскоговорящему человеку системе частей речи.

Описанный выше подход к объяснению японского языка, бесспорно, оправдывает себя с точки зрения эффективности. Хотелось бы, однако, обратить внимание на то, что при этом используемая в нем терминология отличается от языка академической, более теоретической японистики. Признавая естественность такой ситуации, все же следует заметить, что потенциально это может приводить к слишком жесткому разделению материалов «для практики» и «для теории», упрощению одних и усложнению других.

Также камнем преткновения может стать явление транспозиции у слов японского языка, когда они могут функционировать как разные части речи в разном окружении. Хорошо известное с начальных этапов обучения слово *たくさん* ‘много’, к примеру, может быть как существительным, так и прилагательным, а толковые словари отмечают также и его использование в качестве наречия.

Характерные особенности обнаруживают и *keishikimeishi* (形式名詞) – формальные существительные, которые при использовании в грамматике полностью теряют свое исходное значение, или же проявляют его в ослабленном виде. В предложении они играют роль субстантиваторов. К таким словам относят *mono* (もの), *koto* (こと), *uchi* (うち), *tokoro* (ところ), *tsumori* (つもり), *hazu* (はず), *wake* (わけ), *tame* (ため) и некоторые другие, и сложность при их изучении, помимо множества вариантов значений и включенности в иные конструкции, представляет то, что некоторые из них бывают взаимозаменяемы (*hazu* и *wake*). В то же время, к примеру, *mono* подразумевает как минимум 4 разных употребления (в ситуациях описания чьего-то мировоззрения и выражения долженствования, оправдания, выражения сильных эмоций, привлечения опыта из своего прошлого), а в составе других конструкций общее количество его употреблений может достигать 10 и больше.

Nodes – это безэквивалентная для русского языка конструкция, которая широко используется для того, чтобы указать на вовлеченность говорящего в происходящее, а также на наличие у него неких чувств, эмоций по отно-

шению к действительности или к лицам, в ней участвующим. Многие учебники ради цели поэтапного освоения ситуаций, в которых может встретиться данный оборот, вводят такие случаи постепенно, разбивая общий смысл на мелкие подпункты, начиная обычно со значения «вопрос и объяснение причины». В итоге студенты склонны запоминать *のです* как конструкцию, например, с причинным значением, что приводит к ее ограниченному использованию и не соответствует реальной частоте, с которой она встречается в текстах и, в особенности, в устной речи. Можно предположить, что слишком «всеобъемлющее» восприятие приводит, наоборот, к избыточному употреблению. Однако с точки зрения таких категорий, как вежливость и мягкость звучания, предложения с и без *nodes* воспринимаются по-разному. Так, 「*痛い*です。」 ‘болит’ звучит как безыскусная констатация факта, в то время как 「*痛い*んです。」 может подразумевать: «Извини, мне не очень хорошо, ты не мог бы мне помочь?». В комбинации с вопросительной частицей *ka* *のです* и его вариации указывают на заинтересованность в ситуации, желание ее понять. S. Koike отмечает, что, помимо прочего, отсутствие *nodes* (*んです*) при изложении просьбы нехарактерно для речи носителей языка, в то время как иностранцы часто про него забывают или используют редко, что становится одним из компонентов, способствующих появлению «грубого, причиняющего беспокойство» высказывания [12, с. 67–68].

Степень «*katai-yawarakai*» выражается за счет сочетания разных факторов, хотя выбор лексических единиц, грамматических оборотов и стиль высказывания выступают как наиболее явные элементы. Y. Yabusaki указывает на то, что речь многих японистов (из тех, кто осваивал язык в период существования СССР, а также нынче получает образование в российских университетах и не был в Японии) воспринимается как *katai*, хотя бесспорно, является очень грамотной, выверенной и в целом оставляет хорошее впечатление [3, с. 159–160]. В качестве возможных причин он приводит тот факт, что японский язык в условиях СССР был нужен либо для письменного перевода художественной и технической литературы, либо для устного перевода во время официальных мероприятий, что накладывало определенный отпечаток на языковые привычки и стиль использования языка. Многие же из ныне используемых учебников написаны представителями этого поколения, и поэтому тяготеют к письменному, более «твердому» языку, который не совсем типичен сегодня для разговорной речи.

В то же время современные учебники, стараясь приблизить содержание к повседневной «мягкой, контактирующей» разговорной речи, часто идут по пути ввода большого количества обиходных диалогов, упрощения моноло-

гических текстов и отказа от текстов художественной классической литературы. Автору не хотелось бы высказывать определенную точку зрения по данному поводу, так как цели у изучающих японский язык могут различаться весьма сильно, однако несмотря на возросшие способности к диалогической речи можно наблюдать некоторое ухудшение в области составления монологического высказывания. Японист Т. М. Гуревич в качестве проблемы указывает также на «выхолащивание» таким образом из текстов национально-культурной составляющей, которая бы помогала обучающемуся понять и осмыслить систему мировоззрения и ценностей японцев [2, с. 3–4].

В лексике японского языка можно отметить тенденцию к конкретизации, в то время как русский язык стремится скорее использовать одно слово для различных контекстов. Так, при переводе фразы *Я живу в Минске*, студенты, не знакомые с тем, какое слово считается стандартным для данной ситуации, могут найти такие *жить*, как *住む*, *暮らす*, *生活する*, *生きる*, *やっ* *ていく* и еще с десятков редко встречающихся *kango*. Адекватным выбором можно считать *住む* и *暮らす* ‘жить, проживать’, и в несколько меньшей мере – *生活する* ‘вести быт’. *生きる* же означает ‘быть живым, существовать’ и здесь будет смотреться не к месту. Н. Takita и Y. Yabusaki указывают, что неверный выбор слова из синонимичного ряда часто связан с привычкой к выполнению стандартных упражнений на подстановку, что и в итоге приводит к механическому запоминанию типов предложений, смысловое наполнение же оказывается вторичным по отношению к форме [13, с. 150; 3, с. 159]. Можно предположить, что здесь также просматривается отсутствие привычки предварительно отыскивать и изучать примеры употребления слов, которые бы могли предоставить необходимый контекст и отразить сочетаемость. Анализ подобных синонимичных рядов может способствовать пониманию таких важных культурологических концепций, как «человек», «время», «хорошо», «плохо», «добро», «зло», «счастье», «беда».

На начальных этапах освоения японского языка логичным образом сначала изучаются самые основные единицы лексики и грамматики, после чего идет постепенный переход в сторону более сложных конструкций и способов составления высказываний. При этом часть устойчивых оборотов по структуре является составной, то есть при условии сформированного к этому моменту понимания элементов языковой системы и их функций некоторые из конструкций интуитивно становятся понятны (*おそれがある*, *ものともせず*). В то же время появляется и только усиливается необходимость соблюдать сочетаемость грамматических конструкций в сложном предложении, а также следить за соответствием употребленной конструкции

и смысла частей предложения (коо:, 呼応). Примером могут служить «рамочные» конструкции, когда наречие чаще всего работает на усиление основной конструкции, а также на предупреждение реципиента о том, какого рода содержание его ожидает далее, за счет своего нахождения в инициальной позиции в предложении (*tatoe...temo (たとえ~ても)*, *marude...yo:da (まるで~ようだ)*, *moshi...tara (もし~たら)*). Некоторые конструкции накладывают ограничения на употребление конструкций в главной части высказывания. Так, условно-временное *to (と)*, если главная часть предложения оформлена не в прошедшем времени, не может содержать волеизъявления в какой-либо форме, зато может включать конструкции со значением изменения.

Обобщив особенности, описанные выше, отметим, что при общении на японском языке приходится учитывать большое количество факторов. Если добавить к упомянутым ранее некоторые другие элементы, то можно также назвать:

1) эмоциональную насыщенность конструкции ('несмотря на' *kuseni < せに*), *noni (のに)*, *temo (ても)*);

2) постоянный учет позиции говорящих по отношению друг к другу, а также понимание того, чья картина мира в данный момент выражается – говорящего или собеседника, мнение индивида, общества или общества через индивида (*jūjūhyō:gen (授受表現)*, *beki (べき)*, *no (の)*, *tai (たい)*, *tagaru (たがる)*);

3) каковы типичные ситуации, место и время употребления грамматической конструкции, по отношению к какому собеседнику (пол, возраст, социальное положение);

4) стиль речи: устный или письменный; официальный или разговорный; вежливый, нейтрально-вежливый или неформальный.

Однако при общении на японском языке с представителями японской культуры мало контролировать, что, когда и кому говорится, необходимо следить и за тем, как именно. Внешне это проявляется в выборе уровня вежливости и стиля общения или в ощущении *katai – yawarakai*. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на момент, который хотя и не обозначается четко, но присутствует при рассмотрении разных сторон языка и культуры почти все время.

Обращаясь к вопросу трудностей в построении и употреблении вопросительных предложений русскоязычными студентами, D. Grib отмечает, что русские в диалоге с японцами стремятся указать собеседнику на его ошибку, не выдерживая этикетного и культурно обусловленного требования позволить собеседнику достойно отступить и сохранить лицо, что воспринимается

как грубое обращение или даже оскорбление [14, с. 66]. В то же время концепт као (顔) ‘лицо’ для японцев – один из центральных в межличностных отношениях, что отражается в многочисленных устойчивых оборотах с этим словом. Также приводится пример несоблюдения вежливого стиля вместе с использованием вопросительной частицы *ka*, которая в простом стиле зачастую, наоборот, опускается (вопрос выражается за счет интонационных характеристик сказуемого). Такое употребление только усугубляет ситуацию, и фраза 「行くか。」 ‘идешь?’ по отношению к вышестоящему лицу будет крайне некорректной. S. Koike на примере ситуации просьбы в работе на тему того, что именно японцам представляется невежливым в речи иностранцев, указывает на некоторые типичные проявления подобного отношения [12, с. 63–64]. Так, использование заключительных частиц *ne* (ね) и *yo* (よ) или же конструкции *teagemas* (てあげます) в речи по отношению к старшему при отсутствии контактоподдерживающих слов *aizuchi kotoba* (相槌言葉) создает у реципиента образ говорящего как человека самоуверенного, не принимающего в расчет чувства и желания окружающих и, вероятно, плохо знакомого с нормами поведения в обществе. Отказ от использования *aizuchi*, лишенное улыбки лицо и продолжительное молчание могут привести к схожему эффекту. Сами же японцы будут стараться как можно сильнее смягчить высказывание за счет пояснения ситуации, употребления филлеров и контактоподдерживающих словечек, бенефактивных конструкций и более высокого стиля вежливости. И. И. Изотова указывает на нежелание прибегать к использованию директивного языка, а также на нелюбовь японцев к таким видам обсуждения, как дискуссии и дебаты [15, с. 180–181]. В сфере бизнеса, к примеру, с японцами порой сложно вести переговоры, так как для них характерна позиция «соглашаться, не соглашаясь», стремление избегать точных ответов, и даже при согласии используются обороты, которые «смягчают» утверждение. Предпочтительным с точки зрения японского менталитета оказывается такой подход, как *nemawashi* (根回し), который подразумевает предварительную договоренность о решении дела между участниками в приватном кулуарном режиме при полном внешнем согласии непосредственно во время совещания (*zadankai* 座談会). В. Овчинников в книге «Ветка сакуры» цитирует слова Б. Данхэма: «На Западе люди либо говорят вам правду, либо лгут. Японцы же почти никогда не лгут, однако им никогда не придет в голову говорить вам правду» [16, с. 96]. Т. М. Гуревич приравнивает европейскую «языковую компетенцию» к японской «коммуникативной незрелости», вплоть до асо-

циального поведения [17, с. 164]. В работе «Язык как этнодифференцирующий фактор менталитета» Б. И. Карипбаев и Г. М. Исина отмечают, что на Востоке другая точка отсчета: если в порядке «мы», то в порядке и «я», что иллюстрирует мысль о нерасчлененности индивидуального и общественного в сознании японцев. Косвенно эта мысль отражается и в некоторых отдельно взятых грамматических конструкциях. К примеру, *naiwakeniwaikanai* (ないわけにはいかない) – одна из конструкций долженствования, которая подразумевает, что у говорящего есть причины для совершения действия, которое с точки зрения наблюдателя не является обязательным. Причины же эти могут быть и личного характера, но зачастую они так или иначе социально обусловлены (здравым смыслом, подразумевающим общепринятую точку зрения, или же требованиями поведения в группе). Несколько ярче подобный нюанс проявляется у другой конструкции, тоже связанной с полем долженствования и необходимости, – *mono mo no*, которое по основному употреблению предполагает объяснение того, как, с точки зрения говорящего, устроен мир и как выглядит естественный порядок в нем (*学生は勉強するものだ*. ‘Студенты – это те, кто учатся’), но зачастую включает в себя наставление, увещевание, подразумевая, что реципиент сообщения должен соответствовать сказанному.

Исследователи отмечают, что для японцев характерно преобладание конкретного и эмоционального мышления [15, с. 179]. Еще G. Sansom во введении к своей книге «Япония: краткая истории культуры» отмечал: «...but I fear I did not succeed in showing the characteristic attitude of the Japanese towards moral and philosophical problems – their intuitive, emotional approach and their mistrust of logic and analysis. Yet perhaps I may be excused for this failure, seeing that the quintessence of Japanese thought is to be found in Zen Buddhism ... whose doctrines are by definition incommunicable by the written word and can be made clear only by some inner illumination» («...но я опасаясь, что не преуспел в отражении свойственного японцам отношения к моральным и философским проблемам – их интуитивного, эмоционального подхода и их недоверия к логике и анализу. Все же, возможно, мой промах может быть оправдан в свете того, что квинтэссенцией японской мысли можно считать дзэн-буддизм..., чьи доктрины априори не могут быть переданы посредством написанного слова и могут быть поняты только с помощью некоего внутреннего озарения») [18, с. v–vi]. М. П. Герасимова, рассматривая вопросы эмоций и эстетических категорий, отмечает, что в японской культуре эмоция порой почти синоним нравственности [19, с. 295]. Жанр

литературы monogatari (物語), согласно ее исследованию, нередко организован не в хронологическом порядке, а исходит из отношения автора или героев к происходящему, то есть события выстроены на основе испытываемых ими эмоций [19, с. 302–303]. Видный американский исследователь в области культуры и языка Японии Дональд Кин также отмечал особое отношение японцев к чувственному познанию мира, изучая концепт mono no aware (もののあはれ) и его тесную связь с японской поэзией waka (和歌): «Дело не в том, чтобы человек, ошеломленный красотой природы, просто воскликнул “ах!”; он должен познать суть увиденного при помощи своих чувств» [20, с. 227].

Изучающие японский язык стараются работать в рамках таких более понятных и точных категорий, как время или наклонение, – и, согласно некоторым исследованиям, ошибки в этой области допускаются не настолько часто, как в сфере падежных показателей, глаголов направленности действия или же конструкций модальности, которые в большей мере связаны с определением позиции говорящего и собеседника, наведением связей между темой, субъектом, объектом и перфектом высказывания, а также ощущением собеседника, его коммуникативных намерений и эмоционального состояния (молчаливое понимание, эмпатия, телепатия ishindenshin (以心伝心)). Одним из часто встречающихся вопросов при оценке и рассмотрении художественного произведения в японской школе можно считать задания типа 「○○さんはどんな気持ちでその曲を聞いたのでしょうか。」 ‘С какими чувствами г-н (г-жа) ... слушал(а) это произведение?’, а домашним заданием – написание сочинения kanso:bun (感想文), в котором немалое место, наряду с собственными впечатлениями и ощущениями, занимает, к примеру, описание предполагаемых чувств героев произведения. Можно предположить, что такие задания имеют целью научить ориентироваться не только на самого человека, но и на то, что и кто его окружает, то есть развивать вместе с логическим мышлением эмоциональный интеллект.

Обобщая сказанное, можно заметить, что некоторые характеристики японского языка, сами по себе, безусловно, представляющие интерес для более глубокого ознакомления и изучения, тем не менее так или иначе имеют определенную сложность для восприятия носителями неродственных японскому языков и культур, что, в свою очередь, является одной из причин возникновения типичных ошибок в речи обучающихся. Однако недостаточно хорошо знать, уметь анализировать и разбираться в лексических или грамматических явлениях: японский язык неразрывно связан с культурными тради-

циями и привычками японского общества, что проявляется в требовании постоянно отслеживать контекст, а также в важности наличия умения «понять несказанное, увидеть ненаписанное» («читать между строк» 行間を讀む). Контекст же, по мнению автора, включает не только информацию фактического характера – место, время, участники, – но и эмоциональный фон коммуникативной ситуации, то есть атмосферу общения или же настроение, выраженное в тексте. По этим причинам в процессе обучения важно не только объяснять тонкости значения или употребления слов и конструкций на примере отдельных предложений или диалогов, но и порой проверять то, как студенты представляют себе ситуацию, обстоятельства ее возникновения, ее участников, их намерения и испытываемые ими ощущения и чувства. Для человека, воспитанного в рамках культуры западного типа, подобное акцентирование внимания на неявных и «неточных» аспектах коммуникации может быть сложным для понимания и принятия, так как требует в некоторой мере «ломки» сознания одновременно с умением и желанием посмотреть со стороны на систему ценностей своего родного общества. Чтобы снизить «порог вхождения», представляется полезным работать не только с текстами общественно-политического содержания и информационного характера, что наиболее удобно во время занятий и востребовано с практической точки зрения частотных тематик перевода, но и, к примеру, с небольшими отрывками из художественных произведений, эссе или неформальными заметками. Также, если говорить обобщенно, привлекательным для студентов может быть просмотр легкого видео, сериалов или же чтение комиксов manga (漫画).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Середенко, В. М.* Специфика вербального мировосприятия японцев в концепциях японской психолингвистической школы / В. М. Середенко // Армия и общество [Электронный ресурс]. – 2012. – № 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-verbalnogo-mirovospriyatiya-yapontsev-v-kontseptsiyah-yaponskoj-psiholingvisticheskoj-shkoly>. – Дата доступа : 28.08.2019.
2. *Гуревич, Т. М.* Концепции обучения и учебные материалы по японскому языку / Т. М. Гуревич // Японский язык в вузе [Электронный ресурс]. – 2012. – № 7. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/29d/29df6c6c92688ba75dc25306f85b9c06.pdf>. – Дата доступа: 21.08.2019.

3. 藪崎義雄. ロシアにおける日本語教育の現状と問題点 / 藪崎義雄 // 創価大学大学院紀要 [Электронный ресурс]. – 2006. – № 28. – Режим доступа : https://www.soka.ac.jp/files/ja/20170525_130911.pdf. – Дата доступа : 22.08.2019.
4. 渡辺裕美. ロシア語母語話者の発音の特徴と指導における問題点: 日本人日本語教師に対する調査から / 渡辺裕美 // 国際交流基金日本語教育紀要 [Электронный ресурс]. – 2011. – №7 – Режим доступа : <https://www.jpff.go.jp/j/project/japanese/teach/report/07/pdf/12120605.pdf>. – Дата доступа : 15.08.2019.
5. Павлов, А. А. Типичные ошибки студентов и некоторые сложности преподавания японского языка на втором курсе // А. А. Павлов // Известия Восточного института [Электронный ресурс]. – 2010 – № 16. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/tipichnye-oshibki-studentov-i-nekotorye-slozhnosti-prepodavaniya-yaponskogo-yazyka-na-vtorom-kurse>. – Дата доступа: 22.08.2019.
6. 日本語誤用分析 / 明治書院企画編集部. – 東京: 明治書院, 1997. – 178ページ.
7. Басс, И. И. Порядок слов в японском предложении // И. И. Басс // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика [Электронный ресурс]. – 2007. – Вып. 2 (ч. II). – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/poryadok-slov-v-yaponskom-predlozhenii-1>. – Дата доступа : 2.09.2019.
8. Jacobsen, W. Acquiring invisible linguistic structures in Japanese: some practical contributions of linguistic research to language teaching / W. Jacobsen // The Proceedings of the 20th Japanese Language Symposium in Europe [Электронный ресурс]. – 2016. – № 21. – Режим доступа: <https://www.eaje.eu/media/0/myfiles/venezia/full.pdf>. – Дата доступа: 29.08.2019.
9. Волощенко, В. Г. К вопросу о сопоставительной типологии частей речи в японском и русском языках / В. Г. Волощенко // Извест. Восточ. ин-та [Электронный ресурс]. – 2007. – № 14. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-o-sopostavitelnoy-tipologii-chastey-rechi-v-yaponskom-i-russkom-yazykah>. – Дата доступа: 20.08.2019.
10. Ильин, С. Н. Некоторые вопросы омонимии в системе служебных слов современного японского языка (на примере служебно-предикативных слов) / С. Н. Ильин // Извест. Восточ. ин-та [Электронный ресурс]. – 1994. – № 1. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-omonimii-v-sisteme-sluzhebnyh-slov-sovremennogo-yaponskogo-yazyka-na-primere-sluzhebno-predikativnyh-slov>. – Дата доступа: 20.08.2019.
11. Сон, И. С. Методическая типология трудностей как основа обучения грамматике японского языка на начальном этапе: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / И. С. Сон. – М., 2009. – 26 с.

12. 小池真理, 日本語母語話者が失礼と感じるのは学習者のどんな発話か: 「依頼」の場面における母語話者の発話と比較して / 小池真理 // 北海道大学留学生センター紀要 [Электронный ресурс]. – 2000. – № 4. – Режим доступа : https://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/45588/1/BISC004_005.pdf. – Дата доступа : 26.08.2019.
13. 田北光子, 初級後期日本語学習者の作文の誤用例とその対応: 当センターの場合 / 田北光子 // 長崎大学外国人留学生指導センター紀要 [Электронный ресурс]. – 1995. – № 3. – Режим доступа : <http://naosite.lb.nagasaki-u.ac.jp/dspace/bitstream/10069/5461/1/KJ00000201287.pdf>. – Дата доступа : 30.08.2019.
14. グリーブ・ディーナ, ロシア人日本語学習者における日本語疑問表現の使用上の困難点: 初級学習者に対するアンケート調査から / グリーブ・ディーナ // 首都大学東京・東京都立大学 日本語 日本語教育研究会 [Электронный ресурс]. – 2014. – № 34. – Режим доступа : https://tokyo-metro-u.repo.nii.ac.jp/?action=repository_uri&item_id=1656&file_id=18&file_no=1. – Дата доступа : 28.09.2019.
15. Изотова И. И. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации // Вестн. МГИМО [Электронный ресурс]. – 2012. – № 6. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/natsionalno-kulturnaya-obuslovlennost-nerpyatouy-kommunikatsii>. – Дата доступа : 01.09.2019.
16. Овчинников, В. Ветка сакуры / В. Овчинников. – М. : Молодая гвардия, 1975. – 284 с.
17. Гуревич, Т. М. Национально-культурная обусловленность не прямой коммуникации / Т. М. Гуревич // Вестн. МГИМО. – 2013. – № 2. – С.163–166.
18. Sansom, G. B. Japan. A Short Cultural History / G. B. Sansom. – Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1974. – 548 p.
19. Герасимова, М. П. Самоценность эмоции в японском культурном пространстве // Ежегодник «Япония» [Электронный ресурс]. – 2018. – Т. 47. – Режим доступа : <http://yearbookjapan.ru/index.php/issue-ru/32-ezhegodnik-aroniya-2018>. – Дата доступа : 01.09.2019.
20. Кин, Д. Японская литература XVII–XIX столетий / Д. Кин. – М. : Наука, 1978. – 431 с.

The article reviews some of the Japanese culture and language features and the difficulties they present for foreign students. The author underlines the importance of understanding the overall context of the communicative situation as well as the necessity of constant attention towards its emotional colouring – to comprehend the Japanese in full it is essential to know not only rules, words and grammar structures with the right shade of meaning but also cultural traits and habits.